

Всего в ожесточенных боях под Киевом бригада потеряла 66 человек убитыми, в том числе пять коммунистов, 270 ранеными, 75 пропавшими без вести, а также четыре танка, три автомобиля, четыре противотанковые пушки, одну гаубицу, четыре миномета, 16 противотанковых ружей, 11 тяжелых и 24 легких пулемета. Сама бригада уничтожила до 1050 немцев, пять САУ, 17 танков, три самолета, четыре батареи тяжелых орудий, 52 тяжелых и 63 легких пулемета, 67 автомобилей¹⁹⁹.

Свобода вернулся в бригаду 1 февраля 1944 года в звании бригадного генерала. Вместе с ним приехала группа прибывших из Англии офицеров, 11 человек. Эмигрантское правительство в Лондоне всеми силами пыталось сохранить свое влияние в бригаде, которое таяло с каждым днем.

Несмотря на тяжелейшее положение на фронте, советское руководство и лично Сталин уже осенью 1943 года по просьбе Бенеша выразили готовность помогать в оснащении и вооружении чехословацкой армии не только во время войны, но и после нее.

14 октября 1943 года посланник в Москве Фирлингер писал Бенешу: «1. Как я уже докладывал в свое время, Советы решили предоставить нам максимальную поддержку при организации наших частей и, естественно, в случае возможной (боевой) акции дома и при строительстве нашей будущей армии. Они предоставят в наше распоряжение все необходимое снаряжение и вооружение и уже сегодня по предложению Пики дают нам запрашиваемое вооружение из трофейного материала. 2. Они с удовольствием предоставят нам униформы нашей армии и готовы уже сейчас предпринять для этого все меры, указывая на неблагоприятное впечатление дома, если бы наша армия пришла туда в чужой форме...»²⁰⁰

Бенеш был искренне благодарен за эту помощь и писал в ответе Фирлингеру: «Прошу передать мою искреннюю благодарность за обещанную помощь...Это очень важно в настоящее время и с военной, и с политической точки зрения... Полностью согласны с предложением о предоставлении нашей формы... Нас приятно удивило желание разрешить нам носить нашу форму. Повторяю: спасибо»²⁰¹.

Между тем, пока бригада Свободы активно сражалась на советско-германском фронте, «английская бригада» чехословацкой армии на Британских островах томилась от безделья. С 15 по 23 августа 1942 года она охраняла один участок английского побережья, на юге, потом другой — на востоке. С января 1943 года участок охраны опять сменили:

199. Vojenske dejiny Ceskoslovenska. Dil IV. Praha, 1988. S.356.

200. Ceskoslovensko-sovetske vztahy v diplomatickych jednanich 1939–1945. Dil 2. Praha, 1998. S.80–81.

201. Ceskoslovensko-sovetske vztahy v diplomatickych jednanich 1939–1945. Dil 2. Praha, 1998. S.87.

теперь это было снова южное побережье, в районе Феликстоу-Уолтон²⁰². Но всем было понятно, что в то время, когда вермахт увяз под Сталинградом, никакой, даже демонстративной высадки немцев в Англии ожидать не приходилось.

Чехословаки развивали активные связи с местным населением, в том числе и с женщинами, для которых «чехи» были «экзотикой». Футбольная команда бригады баловала англичан товарищескими матчами, а бригадный хор — мелодичными чешскими песнями.

В августе 1943 года, как уже упоминалось, в Ливерпуль прибыла чехословацкая часть из Северной Африки. Она влилась в бригаду, и Ингр немедленно потребовал от англичан преобразовать ее в бронетанковую. Надо было во что бы то ни стало упредить в этом «русскую бригаду» Свободы и желательно еще и получить больше танков, чем у «русских» чехословаков.

1 сентября 1943-го была учреждена Чехословацкая самостоятельная бронетанковая бригада под командованием генерала Лишки. Правда, бригада все же не дотягивала по личному составу до штатов реальной бронетанковой бригады британской армии. А сколь-нибудь осязаемого притока пополнения не было.

В бригаду входили два танковых батальона, моторизованный батальон, артиллерийский полк, дивизион противотанковых средств, зенитная батарея и вспомогательные подразделения. На вооружение поступили устаревшие британские танки «Крусейдер», «Кромвель», затем американские танки «Шерман» и легкие разведывательные танки «Стюарт».

Бригаду переместили вглубь Англии севернее Нортхэмптона и начали обучать.

Что касается национального состава, то в офицерском корпусе преобладали чехи — 324 человека. Словаков было всего 19, немцев девять, венгров двое. Среди сержантов и солдат чехов было 2303, словаков — 721, немцев — 460, венгров — 117, украинцев — 39²⁰³. 38,9% военнослужащих были рабочими, много, особенно среди офицеров, было госслужащих (25,95), а также учителей и студентов (10,7%).

В бригаде поначалу тяжело приходилось немцам и евреям. Над ними нередко издевались офицеры. Немцам, в частности, доставалось за то, что большинство из них очень плохо знали чешский язык. Бригадная организация коммунистов, опиравшаяся примерно на 400–500 бойцов, старалась бороться с национальными предрассудками, тем более что среди немцев и евреев коммунистов как раз было много.

Партийные ячейки коммунистов были в каждом подразделении бригады. Однако среди чехословацких летчиков преобладали офицеры

---

202. *Brod T., Cejka E.* Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 377.

203. *Brod T., Cejka E.* Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 381.

с довоенным стажем, и тут позиции коммунистов были слабыми. Наземный же персонал в чехословацких эскадрильях был в основном британским.

Зато коммунисты численно доминировали в различных чехословацких общественных организациях, возникших в Великобритании, — Совете чехословацких женщин, Чехословацкой профсоюзной группе, Союзе чехословацких интербригадовцев, Обществе культурных и экономических связей с СССР. В 1942 году в Лондоне был основан Союз чехословацких военных усилий, который объединил практически все общественные организации. Союз активно собирал средства в пользу Красной армии. Например, 19 августа 1942 года советскому посольству было вручено 1800 фунтов стерлингов от Совета чехословацких женщин. Среди чехословацких рабочих на военных заводах Англии даже возникла «стахановская группа», перевыполнявшая нормы выработки.

Руководство КПЧ и посольство СССР в Лондоне были прекрасно осведомлены обо всем, что творится в правительстве Бенеша и в госсовете, так как многие министры считали своим долгом постоянно информировать КПЧ о важнейших событиях. Бенеш и Масарик говорили англичанам, что часто узнают о мнении госсвета позже, чем советское посольство в Лондоне.

В 1943 году, когда Бенеш активно пытался заключить договор с СССР, его популярность среди офицеров бригады сильно упала. Президента стали обвинять в том, что он «продался большевикам». В этих условиях именно коммунисты, как это ни парадоксально, стали опорой Бенеша в частях бригады, разъясняя смысл внешней политики президента.

Авторитету компартии сильно способствовали героические бои Красной армии и бригады Свободы на советско-германском фронте. В официальной хронике бронетанковой бригады отмечалось: «Чехословацкая часть в России славно бьет немцев бок о бок с русской армией, снискав уважение русских и самых высоких наград Героя Советского Союза. Она хоронит своих павших героев в святой земле братской великой державы и творит новую легенду чешской военной истории и новый сильный и политически важный исторический аргумент на будущее»²⁰⁴.

Солдаты и офицеры бригады рвались в Россию и жадно следили за новыми успехами Красной армии и бригады свободы. В советском посольстве в Англии говорили, что чехословацкая бригада забирает больше экземпляров бюллетеня советских новостей «Soviet War News», чем вся британская армия вместе взятая. В хронике бригады отмечалось: «Желаем от всего сердца нашей русской бригаде (которой мы, конечно, ужасно завидуем) великой славы, которая выпала на ее долю, когда она в боях вместе с русской армией освободила славный русский город

---

204. *Brod T., Cejka E. Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 391.*

Киев. Наша армия в СССР тем самым уже во второй раз славно вошла в историю и творит неразлучное братство нашего народа и СССР, сражаясь и истекая кровью бок о бок (с русскими)»²⁰⁵.

Против немцев в 1943 году на Западе непосредственно воевали только чехословацкие летчики в составе королевских ВВС. С 8 ноября 1943 года чехословацкое истребительное авиакрыло переименовали в 134-ю авиагруппу. Бомбардировщиков придали командованию ВВС, занимавшемуся охотой за немецкими подводными лодками в Атлантике. В августе 1943-го чехословаки уничтожили или повредили семь субмарин, в сентябре — три, в октябре — одну²⁰⁶. Всего чешские летчики произвели удары по 35 подлодкам и четырем надводным кораблям противника, проведя в воздухе во время боевых вылетов 21 527 часов.

В 1940–1945 гг. во время бомбежек Германии и оккупированных немцами территорий в плен попал 51 чехословацкий летчик, в том числе 15 пилотов истребителей. В плену погиб только член экипажа бомбардировщика Арношт Валента, который в марте 1944 года стал одним из организаторов массового побега пленных летчиков союзной авиации из немецкого лагеря для военнопленных. Валента был схвачен и казнен нацистами 31 марта 1944 года.

В 1943 году на советско-германском фронте все еще воевала на стороне нацистов словацкая Быстрая дивизия, хотя ее боевой дух уже не был прежним. Словаки больше не хотели воевать под лозунгом «За бога, за народ!» (официальный слоган словацкой пропаганды для войны против СССР) против своих братьев-славян. 25 сентября 1943 словаков перебросили на фронт в район Мелитополя. 30 октября 45 офицеров и 2300 солдат и сержантов сдались там советским войскам²⁰⁷.

Командующий конно-механизированной группой 4-го Украинского фронта генерал И.А.Плиев вспоминал: «Событиям на Перекопе предшествовала удачно проведенная Мелитопольская операция. Особо хорошо в ней складывалась обстановка на направлении 4-го гвардейского кавкорпуса. Вскоре после прорыва обороны противника перед корпусом появилась свежая 1-я словацкая пехотная дивизия. Немецкое командование давно обратило внимание на то, что ряды ее подозрительно быстро тают при малейшем соприкосновении с советскими войсками. Дивизию занесли в списки неблагонадежных и держали в резерве. Но положение не изменилось. За ней закрепилась даже кличка: «Дивизия — быстро домой». И вот, в силу катастрофически ухудшающейся обстановки, командующий 17-й армией генерал Енеке 27 октября 1943 года решил бросить эту чехословацкую дивизию в бой против 4-го гвардейского казачьего корпуса в районе Мелитополя.

---

205. *Brod T., Cejka E.* Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 392.

206. *Brod T., Cejka E.* Na zapadni fronte. Praha, 1965. S. 409.

207. *Kliment C. K., Nakladal B.* Slovenska armada 1939–1945. Praha, 2006. S. 100.

Если бы немецкое командование не было потрясено своей столь быстро развивающейся трагедией, оно обратило бы внимание, что словаки ринулись в «бой» с необыкновенным желанием, даже с радостью. Генерал Енеке слишком поздно понял свою оплошность. Но он мог бы утешить свое воинское самолюбие тем, что это был промах не военного, а политического характера. Как бы то ни было, 1-я словацкая дивизия в несколько тысяч человек со всем вооружением и боевой техникой добровольно перешла на нашу сторону. Тыловые части дивизии, как в дальнейшем выяснилось, немедленно были переброшены в Кривой Рог, а затем — в Одессу... Словацкая дивизия открыла кубанцам путь в оперативный тыл противника. Развивая успех, корпус устремился к Перекопу»²⁰⁸.

Таким образом, словаки открыли Красной армии дорогу в Крым.

Остатки словацкой дивизии отступили в район западнее Херсона, а 20-й пехотный полк дивизии остался в Крыму, отрезанный советскими войсками. На 3 ноября 1943 года Быстрая дивизия насчитывала всего 5337 солдат и офицеров. В январе 1944 года 20-й полк вернулся, и дивизия (6397 человек) заняла оборонительные позиции к северу от Одессы. Словацкий министр обороны Чатлош просил командование вермахта о выводе дивизии с фронта на тыловую службу, но немцы ответили, что им теперь дорог каждый солдат. Часть бойцов дивизии дезертировали к одесским партизанам в знаменитые катакомбы.

Плиев, бравший Одессу, вспоминал: «Мы возвращались в поселок пригородного совхоза Ульяновка, где расположился штаб Конно-механизированной группы. На одной из улиц его мы встретили подразделение партизан. Среди них я увидел несколько солдат в форме чехословацкой армии и вспомнил Мелитополь, конец октября 1943 года и переход 1-й словацкой пехотной дивизии, которую гитлеровцы называли «дивизия — быстро домой». Тогда на нашу сторону перешли только боевые части, находившиеся главным образом в первом эшелоне боевых порядков. Мы остановились. Это оказалось подразделение объединенного отряда, базировавшегося в одесских катакомбах... Встретившиеся нам словаки оказались из той самой 1-й словацкой пехотной дивизии. Мне рассказали, что подразделения второго эшелона и тылы этой дивизии были сразу же отведены из прифронтовой полосы в Кривой Рог, а затем переброшены в Одессу. Осенью 1943 года сержант Кончетти установил связь с командованием партизанской республики. Словацким друзьям было поручено доставлять оружие, боеприпасы, вести разведку, выполнять роль связных между отрядами. Комендант города, подозревавший словаков в связях с партизанами, решил отправить их часть в Тирасполь. В тот же день сержант Кончетти предложил полку в полном составе перейти на сторону партизан. Связавшись со

---

208. http://militera.lib.ru/memo/russian/pliev_ia1/01.html.

штабом партизанского движения города, словаки ночью спустились в катакомбы. Кончетти был назначен командиром этой первой партизанской части.

— Передайте товарищу Кончетти мой дружеский привет, — сказал я, прощаясь со своими новыми товарищами.

Словацкий солдат печально пожал плечами и с приятным мягким акцентом печально произнес:

— Наш командир, как это сказать, фчэра помьер.

— Кончетти, товарищ генерал, вчера в бою был ранен в грудь навывлет. Говорят, что уже скончался, — объяснил командир подразделения.

Сказано это было с чувством глубокой скорби, которая невольно передалась и мне. Мы потеряли близкого друга, брата по крови и убеждениям»²⁰⁹.

Боевой дух словацкой дивизии обеспечения на северной Украине был в 1943 году тоже явно не на высоте. Солдаты и офицеры дивизии старались уклоняться от столкновений с партизанами. Бывали случаи, когда группы словацких солдат и партизан встречались и мирно расходились, как будто не обращая внимания друг на друга.

Если до весны 1943 года из дивизии дезертировали к партизанам отдельные солдаты, то 15 мая 1943-го на сторону партизан перешли вместе с солдатами начальник штаба 101-го полка капитан Ян Налепка²¹⁰ в районе деревни Ремезы (ныне Гомельская область), офицер разведки надпоручик Лишак и офицер по вооружению поручик Петро. Налепка еще с 1942 года поддерживал связи с партизанами, снабжал их информацией и лекарствами. Он смог сохранить и передать партизанам знамя одной из комсомольских организаций.

Словацких офицеров приветствовал лично легендарный командир партизанского соединения А. Н. Сабуров.

Налепка под боевым псевдонимом «капитан Репкин» стал командиром 1-го советско-чехословацкого партизанского отряда. В отряде было около 80 словаков. Еще 40 словаков воевали в других отрядах партизанского соединения Сабурова. Летом и осенью 1943 года отряд под командованием Яна Налепки неоднократно отличался в боях с немецко-фашистскими захватчиками. В канун 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Налепка был принят кандидатом в члены ВКП(б).

---

209. http://militera.lib.ru/memo/russian/pliev_ia1/01.html.

210. Ян Налепка родился в 1912 году. Окончил учительскую семинарию. Подвергался преследованиям за антифашистские взгляды. Работал учителем в сельской школе. В 1936 году окончил офицерскую школу и получил звание подпоручика. В марте 1939 года, как и многие другие учителя, был мобилизован в словацкую армию, испытывавшую острый недостаток в офицерских кадрах. Уже в 1942 году создал подпольную группу и установил связь с партизанами.

Участвуя со своим отрядом, во взаимодействии с войсками 1-го Украинского фронта и другими партизанскими отрядами, в Киевской наступательной операции, Ян Налепка погиб в бою за освобождение города Овруч Житомирской области Украины 16 ноября 1943 года.

К Овручу, стратегически важному транспортному узлу, 13 ноября подошли части советской 13-й армии. С тыла по немцам ударило партизанское соединение Сабурова, в составе которого был и отряд Налепки.

Известный советский военачальник И. И. Якубовский писал: «В боях за Овруч новую героическую страницу вписал в историю чехословацкий партизанский отряд под командованием Яна Налепки. Для Яна Налепки тот бой был последним. Очевидцы рассказывают, что он находился в первых рядах атакующих партизан. Всем была видна его стройная фигура в форме чехословацкого офицера. Командир шел вперед, не сгибаясь, бросая вызов врагу. С песней «Словацкие матери, у вас хорошие сыны» за ним снова и снова поднимались в атаку бойцы, пока не захватили вокзал — один из последних бастионов врага. Налепка продолжал командовать отрядом даже тогда, когда был ранен и истекал кровью. Его настигла смерть во время штурма вражеского укрепления. Пулеметная очередь скосила героя, когда бой за Овруч подходил к концу»²¹¹. Овруч был взят в ночь на 19 ноября, в то же самое время, когда частям Красной армии под напором немцев пришлось опять оставить Житомир. В боях за Овруч было уничтожено до двух батальонов немцев.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1945 года за умелое командование партизанским отрядом и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками гражданину Словакии Налепке (Репкину) Яну посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Налепка стал единственным словаком, удостоенным этого наивысшего советского звания.

Также Налепка был посмертно награжден орденом Ленина, чехословацким орденом Белого льва 1-й степени, а 5 мая 1945 года удостоен звания «Герой Словацкого национального восстания». В Овруче Налепке поставили памятник. 7 мая 2004 года президент Словацкой республики посмертно повысил Яна Налепку до звания бригадного генерала. В честь героя в Словакии названы много улиц и один населенный пункт (Налепково).

Один словацкий военнослужащий, ефрейтор Корбела даже угнал к партизанам танк, который, правда, застрял на берегу реки у деревни Ремез. Партизаны попытались его вытащить, но безуспешно. Они лишь демонтировали пулемет, а сам танк позднее вытащила словацкая дивизия.

В конце августа 1943 года к партизанам Минской области перешел словацкий велосипедный взвод, охранявший железную дорогу.

---

211. <http://www.litmir.net/br/?b=71893&p=74>.

Сабуров направил командиру дивизии обеспечения полковнику Чани письмо с предложением перейти всем соединением на сторону партизан. Однако Чани был отстранен от командования.

1 августа 1943 года словацкая дивизия обеспечения была преобразована во 2-ю пехотную дивизию, и немцы стали перебрасывать ее в Италию, где она использовалась на строительстве оборонительных сооружений. 15 ноября 1943-го окончательно потерявшая боеспособность словацкая дивизия обеспечения была переименована в Техническую бригаду. В бригаде сохранили стрелковое вооружение, но на фронт против англо-американцев словаков послать не решились. В январе 1944 года бригада была размещена в районе Монте-Кассино, где шли самые упорные бои между немцами и союзниками за все время войны на итальянском фронте. В это время в бригаде было 147 офицеров, 169 младших командиров и 4176 солдат²¹².

С 1 апреля 1944 года бригада именовалась Технической дивизией. В мае она была усилена двумя офицерами и 845 солдатами. Ее командир полковник Имро 30 июля 1944-го перебежал к американцам вместе со своим начальником штаба. Вместе с немцами дивизия отступала на север Италии, где активно действовали партизаны-коммунисты из гарибальдийских бригад. Солдаты-словаки установили с партизанами связь, и несколько десятков военнослужащих перешли на сторону гарибальдийцев. В апреле 1945 года, когда поражение немцев уже было вопросом нескольких дней, вся дивизия (около 7 тысяч человек) перешла на сторону партизан и участвовала вместе с ними в освобождении Ломбардии. После освобождения Италии дивизию опять переименовали во 2-ю пехотную, и ее командиром стал антифашистски настроенный полковник Кмикевич. Соединившись с переброшенными ранее в Италию немцами воинскими частями из протектората (см. ниже), дивизия образовала Группу чехословацких войск в Северной Италии и летом 1945 года вернулась в Чехословакию через американский сектор оккупации уже на правах соединения Антигитлеровской коалиции.

В 1942–1943 гг. основной задачей правительства Бенеша было урегулирование своих отношений с СССР, причем не только на время войны но и, главным образом, на послевоенный период. Бенеш руководствовался тактическими и стратегическими соображениями.

С точки зрения тактики он убеждал англичан, настроенных резко антисоветски, что заключение договора с Москвой о послевоенном статусе Чехословакии оградит возрожденную республику от установления там коммунистического строя. К тому же Бенеш говорил британцам, что заключения союзного договора с Москвой требуют не только коммунисты, но и весь чехословацкий народ.

---

212. *Kliment C. K., Nakladal B. Slovenska armada 1939–1945. Praha, 2006. S. 105.*

Но возможно, что с точки зрения стратегии Бенеш лишь хотел вести англичан в заблуждение. Он прекрасно помнил Мюнхенское соглашение 1938 года, и у него были основания считать, что только договор о взаимной помощи с СССР сможет обеспечить независимое существование Чехословакии перед лицом вековой германской угрозы. Поэтому Бенеш активно добивался заключения союзного договора с Москвой, несмотря на жесткое сопротивление Лондона.

Еще в 1940 году англичане предложили Бенешу в качестве альтернативного варианта подписать с польским эмигрантским правительством соглашение об образовании после войны польско-чехословацкой конфедерации (или даже федерации). Таким образом, зная антисоветские настроения поляков, требовавших возврата Западной Белоруссии и Западной Украины, англичане фактически хотели возродить антисоветский санитарный кордон образца 20-х — 30-х годов.

Бенеш понимал, что союз с Польшей не спасет Чехословакию в случае новой германской агрессии, и 1939 год наглядно показал истинную силу польской армии, разбитой немцами фактически за одну неделю. К тому же Бенеш хорошо помнил, что Польша (как, впрочем, и Англия) была соучастником Гитлера в разделе Чехословакии в 1938–1939 гг.

Тем не менее Бенеш пошел на переговоры о конфедерации с Польшей в 1940 году, так как его правительство (еще, кстати, не признанное Англией) находилось в сильной зависимости от англичан. Поляки на переговорах требовали фактического включения Чехословакии в Польшу на правах «младшего брата». 19 января 1942 года была подписана польско-чехословацкая декларация, содержавшая план создания конфедерации.

Примечательно, что поляки переводили на польский французское слово «confédération» (текст был составлен на французском языке) как «федерация», а чехи — как «конфедерация», явно не желая слишком тесного союза с Польшей. В апреле 1941 года обе стороны даже договорились о такой разнице в толковании.

Однако поляки при помощи англичан требовали от Бенеша признания польских границ 1939 года, что, как прекрасно понимал Бенеш, было абсолютно неприемлемо для Москвы. Мало того, этих границ не хотел и сам Бенеш. Наученный горьким опытом 1938 года, когда Польша отказалась пропустить через свою территорию части Красной армии на помощь Чехословакии, Бенеш был решительно настроен в пользу образования тем или иным путем советско-чехословацкой границы после окончания войны. А это означало фактически признание перехода Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР. Кроме того, как упоминалось выше, Бенеш без всяких условий был готов передать СССР Закарпатскую Украину, которую с санкции Гитлера в марте 1939 года оккупировала Венгрия.

Поляки, напротив, даже во время войны отказывались признать принадлежность к ЧСР Тешинской Силезии — той территории, которую

они вместе с Гитлером отторгли от Чехословакии в 1938 году. 10 января 1941 года премьер польского эмигрантского правительства в Лондоне Сикорский направил Бенешу письмо, в котором еще раз утверждал, что Тешин должен остаться за Польшей. Было ясно, что такая позиция является неприемлемой для любого чеха вне зависимости от политических убеждений²¹³. Бенеш ответил Сикорскому, что правительство ЧСР не признает никаких территориальных последствий Мюнхенского сговора.

18 мая 1942 года госсекретарь МИД ЧСР, близкий соратник Бенеша Рипка публично заявил в госсовете, что «правительство не признает никаких аннексий, которые произошли после Мюнхена, в Тешине или в Северной Словакии»²¹⁴ (где Польша тоже отторгла небольшие районы). Когда 5 августа 1942-го министр иностранных дел Великобритании заявил в парламенте, что Англия отказывается от Мюнхенского соглашения 1938 года, Сикорский тут же столь же официально провозгласил, что это заявление британцев не касается «тешинского вопроса». Поляки даже создали некий «Союз тешинских силезцев», который якобы боролся за вхождение Тешина в состав Польши. Бенеш ответил на это созданием аналогичной прочешской организации — «Кружок силезцев».

К удивлению англичан и поляков, СССР в июле 1941 года не высказывался против польско-чехословацкой конфедерации и даже был готов заключить с ней договор о взаимной помощи. Но поляки настаивали на довоенных границах, и советско-польские отношения быстро испортились. Они ухудшились еще и после вывода польским эмигрантским правительством армии Андерса с территории СССР в самое тяжелое для Красной армии время в 1942 году.

Только после ухода частей Андерса СССР официально стал высказываться против польско-чехословацкой конфедерации, что было на руку Бенешу, который и сам вел переговоры о конфедерации лишь под нажимом англичан. Постепенно переговоры о конфедерации сошли на нет.

Министр иностранных дел в правительстве Бенеша Масарик так описывал в циркулярной телеграмме чехословацким заграничным диппредставительствам крах идеи конфедерации в декабре 1942 года: «...одной из главных причин разногласий (с поляками — *Прим. автора.*) была разница между чехословацкой и польской политикой в оценке значения Советского Союза для центральноевропейского сотрудничества. Чехословакия не может и не будет предпринимать ничего, что было бы препятствием на пути традиционно дружественных чехословацко-советских отношений»²¹⁵.

---

213. <http://benjaminek.blogspot.com/2008/04/mylenka-eskoslovensko-polsk-konfederace.html>.

214. <http://benjaminek.blogspot.com/2008/04/mylenka-eskoslovensko-polsk-konfederace.html>.

215. *Cesky lid v boji proti fasismu*. Praha, 1975. S. 391.

В 1942-м Бенеш решительно взял курс на заключение советско-чехословацкого союзного договора и намеревался с этой целью в том же году посетить Москву. 10 мая 1942 года посол СССР при эмигрантских правительствах в Лондоне А.Е. Богомолов по поручению Москвы передал Бенешу, что он может приехать в СССР в любой момент.

26 мая 1942 года в Лондоне был заключен договор между СССР и Англией «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее союзников в Европе и о сотрудничестве и взаимопомощи после войны». Стороны обязались оказывать друг другу взаимную помощь в войне. Статьи договора, посвященные послевоенному периоду, предусматривали сотрудничество СССР и Англии в деле сохранения безопасности и экономического процветания в Европе, взаимопомощи в случае нападения Германии или объединившейся с ней страны. Большое значение имела 7-я статья, гласившая: «Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны». Договор заключался сроком на 20 лет.

Бенеш увидел в англо-советском договоре желанный повод обойти сопротивление англичан, и чехословацкая сторона предложила СССР заключить почти аналогичный договор. Главное отличие от англо-советского договора было в том, что стороны советско-чехословацкого союзного договора еще и обязались не вмешиваться во внутренние дела друг друга. Бенеш полагал, что против этого англичане уже возражать не смогут.

В мае 1942 года в телеграмме Фирлингеру Бенеш отмечал: «...Англо-советское соглашение... будет скоро готово... После его подписания станут актуальными другие центральноевропейские вопросы, в частности наш и польский, вопрос конфедерации, сложности, связанные с Дунаем, немецкая проблема. Считаю необходимым вовремя поговорить о них с Россией...»²¹⁶

Однако в Лондоне продолжали тормозить поездку Бенеша в Москву. Теперь англичане сообщили чехословацкому президенту, что во время визита Молотова в Лондон (когда был заключен упоминавшийся выше договор между СССР и Великобританией) и они, и русские якобы обязались не заключать с «малыми странами» Европы никаких договоров, касающихся послевоенного периода.

Бенеш поручил Фирлингеру выяснить позицию СССР. Из Москвы через некоторое время ответили, что англичане действительно попросили Молотова не заключать никаких соглашений с малыми странами, но это касалось только Греции и Югославии. В Лондоне понимали, что в этих странах сильное партизанское коммунистическое движение, и после войны коммунисты имеют все шансы прийти к власти. Пользуясь

---

216. *Cesky lid v boji proti fasismu*. Praha, 1975. S. 393.

тяжелым положением СССР летом — осенью 1942 года, Черчилль настаивал, чтобы никаких договоров, предreshающих статус этих стран после войны, не заключалось.

Однако Москва четко оговорила, что предложение британцев, по сути, предложением и осталось: никаких юридически обязательных документов на сей счет Молотов в Лондоне не подписывал.

Тогда, вновь пытаясь хоть как-то удержать Бенеша от заключения чехословацко-советского союзного договора, Великобритания в августе 1942 года официально объявила, что Мюнхенское соглашение 1938 года в отношении границ Чехословакии утратило силу. Но вместе с тем англичане отказывались признать довоенные границы ЧСР. Теперь они говорили, что такова принципиальная политика Черчилля — не признавать во время войны ничьих послевоенных границ. Это, мол, может обидеть тех же поляков.

В конце 1942 года Бенеш и сам уже не сильно торопился с подписанием договора с Москвой, так как казалось, что СССР может потерпеть в войне страшное поражение — вермахт стоял на Волге. Тогда союз с Москвой и опасность прихода на территорию ЧСР «коммунистической» Красной армии казались всего лишь досужими домыслами.

1 декабря 1942 года правительство СССР еще раз сообщило Бенешу, что готово в любой момент принять его в Москве.

В январе 1943-го Бенеш рассуждал следующим образом: «...Русские выдержат до весны... а там, конечно, возникнет критическая ситуация. Встанет вопрос, кто больше будет измотан, русские или немцы. У кого окажется больше резервов...»²¹⁷

Однако триумфальная победа Красной армии под Сталинградом вновь заставила Бенеша заторопиться, тем более что на скорейшем заключении договора настаивали как эмигрантское правительство в Лондоне, так и госсовет.

Но тут снова возникло «польское» препятствие: 25 апреля 1943 года польское эмигрантское правительство разорвало с СССР дипломатические отношения, после того как немцы показали всему миру обнаруженные в Катынском лесу под Смоленском могилы убитых польских офицеров.

Интересно, что печать протектората Богемии и Моравии, особенно главная газета «Национальная политика», уже в апреле 1943-го начала публиковать обширные антисоветские материалы в связи с Катынью²¹⁸. Рефреном звучал тезис «большевистской опасности» и «угрозы с Востока» для Европы в целом и Чехии в частности, против которой население протектората должно бороться вместе с «культурной» Германией.

Против нагнетания немцами и их подручными в Чехии антисоветского психоза 25 апреля 1943 года решительно выступил по лондонскому

217. Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 392.

218. <http://www.ustrcr.cz/data/pdf/pamet-dejiny/pad1004/005-021.pdf>.

радио, обращаясь к соотечественникам, Бенеш: «...только чудом немецкий фронт спасся от полного крушения, и теперь уже на протяжении нескольких месяцев немецкая пропаганда тщетно пытается нагнать всему миру страх перед так называемым большевистским потоком, который якобы накроет всю Европу в случае немецкого военного поражения... Нацистские официальные и неофициальные пропагандисты на протяжении последних недель в своей алармистской кампании на тему, что станет с Европой, если немцы будут разбиты Красной армией, вам усиленно вдалбливают, что если выиграет Советский Союз, то якобы уже не будет Чехословацкой республики, что все затопит большевизм, что все захватит Советский Союз... Скажите каждому, кто вам это говорит, что такие речи являются обычным немецким пропагандистским идиотизмом»²¹⁹.

После разрыва дипломатических отношений между СССР и Польшей и англичане, и поляки требовали от Бенеша не заключать с Москвой договора до урегулирования советско-польских отношений.

Но Бенеш решил разыграть против поляков и англичан американскую карту. В январе 1943 года он объявил о своем решении перед Москвой побывать в Вашингтоне и узнать мнение Рузвельта по вопросу чехословацко-советского договора. Англия зависела от военных поставок США и не могла просто проигнорировать мнение Вашингтона.

19 марта 1943 года, чтобы окончательно убедиться в позиции Москвы, Бенеш спросил Богомолова: «Готов ли СССР заключить с нами договор в духе англо-советского договора еще до конца войны и таким образом, чтобы договор четко определял наши отношения после войны? Готов ли СССР подготовить и позже заключить трехсторонний договор между ЧСР, Польшей и Советским Союзом?» 21 апреля Богомолов получил ответ из Москвы: «Нужно, чтобы Вы встретились с Бенешем и со ссылкой на предыдущую беседу с ним, сообщили следующее: 1. Мы готовы обсудить вопрос заключения советско-чехословацкого договора о взаимной помощи, если такой проект будет представлен чехословацкой стороной. 2. Если Бенеш скажет, что его предыдущую беседу с Вами можно считать предложением чехословацкой стороны Советскому Союзу о подписании договора о взаимной помощи, то можете заявить, что советское правительство в принципе согласно с заключением такого договора и готово обсудить конкретные предложения чехословацкой стороны»²²⁰.

Что касается трехстороннего договора (с участием Польши), то и его Москва была в принципе готова обсудить, но не считала этот вопрос актуальным именно в тот момент. Сталин понимал, что эмигрантское правительство Сикорского не признает новые границы СССР, а в этих условиях обсуждение союзного договора с Польшей было лишено всякого смысла.

---

219. <http://www.ustrcr.cz/data/pdf/pamet-dejiny/pad1004/005-021.pdf>.

220. *Cesky lid v boji proti fasismu*. Praha, 1975. S. 392.

Бенеш был полностью удовлетворен ответом из Москвы и в начале мая 1943 года отправился в США. Хотя некоторые правые круги в США считали Бенеша чуть ли «большевиком», переговоры с президентом Рузвельтом были очень продуктивными.

13 мая 1943 года Бенеш сообщил Масарику из Вашингтона: «а) В отношении России он (Рузвельт) считает, что России надо доверять и продолжать такое лояльное сотрудничество и после войны в полном объеме. Рузвельт хочет придать этому практическое значение и встретиться со Сталиным и открыто и реалистично обсудить с ним все вопросы. Прошу об этом не говорить. б) Рузвельт реалистично смотрит на советско-польские отношения. В этих отношениях хотя бы прекратилась дальнейшая полемика, однако он очень правильно смотрит на трудности с польской стороны и на форму разрешения польско-советского пограничного спора... в) Я проинформировал президента о наших переговорах с Советами, об их точке зрения на необходимость урегулировать отношения с нами в договорной форме²²¹ и об их заверениях, что они не намерены вмешиваться в наши внутренние дела, так же как и об их принципиальной готовности договориться с демократической Польшей. Президент принял это к сведению с твердым удовлетворением и признал, что с Россией мы ведем себя правильно...»²²²

Ободренный поддержкой Рузвельта, Бенеш вернулся в Лондон и хотел немедленно выехать в Москву, откуда сообщили, что ждут его уже в июне. Интересно, что Бенеш вообще хотел ехать в СССР прямо из США, но тут опять вмешались англичане, все еще не оставлявшие попыток сорвать заключение советско-чехословацкого договора. Они заявили Бенешу, что путешествовать через Средиземное море небезопасно.

В Лондоне Бенеша снова убеждали не ехать в Москву до урегулирования советско-польских отношений. 4 июля 1943 года Фирлингер писал Бенешу из Москвы: «Лично я думаю, что надо бы обратить внимание англичан на то, что они не будут содействовать нормализации польско-советских отношений, противясь нашему соглашению с СССР»²²³.

10 июля 1943 года Бенеш беседовал с представителем Форин офис Локкартом, опять утверждавшим, что между Москвой и Лондоном есть соглашение о незаключении договоров с малыми странами во время войны. Правда, теперь Локкарт называл его уже «джентльменским» (то есть устным и необязательным). Терявший терпение Бенеш прямо

---

221. Бенеш искусно переложил инициативу в заключении договора на СССР, видимо, полагая, что так он выбьет почву из-под ног тех, кто обвинял его самого в слишком тесных связях с Москвой.

222. *Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939–1945*. Dil 1. Praha, 1998. S. 469–470.

223. *Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939–1945*. Dil 2. Praha, 1998. S. 20.

говорил, что именно на договор с Москвой он хочет «опереться» «в хаосе» после войны²²⁴.

14 июля Бенеш встретился с американским послом в Лондоне Биддлом и попросил передать Рузвельту, что поездка в Москву откладывается из-за сопротивления англичан. Биддл был «удивлен» и «ясно высказался против позиции Великобритании». «Он считает, — писал Бенеш, — что нельзя ждать быстрого улучшения у поляков, что мы правы, когда пытаемся решить свои вопросы с Россией сами, что было бы хорошо и другим, если бы мы подписали договор. У меня сложилось впечатление, что он говорил абсолютно искренне»²²⁵.

На следующий день Богомоллов «с иронией» спросил Рипку (госсекретаря МИД), хочет ли правительство ЧСР подписать с СССР соглашение, которое само же и предложило? Он еще раз подтвердил, что никаких обязательств у СССР относительно «малых стран» нет.

16 июля 1943 года состоялось заседание чехословацкого правительства, на котором единогласно было принято следующее решение относительно договора с Москвой:

- правительство настаивает на заключении договора;
- договор должен быть подписан «как можно скорее»;
- правительство желает, чтобы президент отправился в Россию «как можно быстрее»²²⁶.

22 июля 1943-го Рипка выступил с докладом о советско-чехословацком договоре на заседании госсовета. Мнение участников тоже было абсолютно единодушным. В резолюции госсовета говорилось: «...Государственный совет высказывает свое согласие с подходом, которым следует в этих вопросах правительство, и снова подчеркивает в полном согласии с президентом республики и с правительством, что твердо поддерживает заключение договора о дружбе и взаимной помощи между Советским Союзом и Чехословацкой Республикой... Государственный Совет в нескольких своих заявлениях уже выразил свое полное согласие с такой политикой. Государственный совет полностью согласен с желанием чехословацкого правительства, чтобы этот договор был подписан как можно быстрее и чтобы официальный визит президента республики в союзный нам Советский Союз осуществился бы как можно скорее»²²⁷.

---

224. Československo-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939–1945. Díl 2. Praha, 1998. S. 29.

225. Československo-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939–1945. Díl 2. Praha, 1998. S. 33.

226. Československo-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939–1945. Díl 2. Praha, 1998. S. 36.

227. Československo-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939–1945. Díl 2. Praha, 1998. S. 43.

Однако теперь англичане просили повременить до первой встречи министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, которая должна была состояться в Москве в октябре 1943 года.

Ведущий сотрудник Форин офис Никольс в беседе с Рипкой 23 июля вообще пытался доказать, что русским нельзя верить, несмотря ни на какие договоры. К тому же, мол, британское общественное мнение настроено против советско-чехословацкого договора. Рипка на это ответил, что общественное мнение в Англии следует за правительством. А если в Англии говорят о чехословаках, что они «в объятиях большевиков», то это «зловредная пропаганда». «Пусть пропаганда твердит о Советах что угодно, но остается очевидным фактом, что они никогда не нарушали ни одного письменного обязательства, которое на себя брали, и не только в политических вопросах, но и в вопросах торговых, финансовых и т.д. Поэтому мы можем безопасно полагаться на то, что они будут также соблюдать и договор, который мы с ними хотим заключить... Я открыто сказал Никольсу, что позиция, которую сегодня занимают англичане, мешает нам консолидировать наши внутри- и внешнеполитические дела... Я подробно объяснил Никольсу, что в этом вопросе среди наших людей царит абсолютное единство... Все единогласно требуют, чтобы договор был заключен как можно скорее»²²⁸.

Рипка прямо сказал, что Бенеша очень огорчает нежелание британцев понять его политику.

5 августа 1943 года с Никольсом встретился уж сам Бенеш: «Я упрекнул его, что они нас сдерживают в нашей работе по консолидации нашей внутренней политики, что мешают нам вовремя договориться с Россией, и я спрашиваю, не хотят ли они поставить нас по отношению к России в то же положение, что и Польшу, и не заинтересованы ли они в ослаблении моих позиций и позиций ЧСР в России... Я подчеркнул, что они поставили нас в невозможное положение по отношению к России... Конец этого месяца — последний срок, когда я могу поехать в Россию...»²²⁹

В начале сентября 1943 года Майский по просьбе Масарика спросил министра иностранных дел Идена, почему Англия настроена против визита Бенеша в СССР. Иден увиливал и свалил все на Черчилля, который якобы на заседании британского кабинета активно возражал против этого визита. Масарик прямо сказал, что это отговорка²³⁰.

13 сентября 1943 года Локкарт опять убеждал Бенеша, что Англия в принципе не против договора, но в данный момент нельзя ехать в

---

228. Československo-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939–1945. Díl 2. Praha, 1998. S. 47.

229. Československo-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939–1945. Díl 2. Praha, 1998. S. 51.

230. Československo-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939–1945. Díl 2. Praha, 1998. S. 56.

Москву из-за поляков. Однако это лишь «совет, не больше». 29 сентября Бенеш повторил Никольсу: «...Мы настроены подписать договор и не отступим от этого, мы ждем только встречи (министров иностранных дел Англии, США и СССР) и ожидаем, что она положит конец всем этим двусмысленностям и наши постоянные дискуссии завершатся. 3) Он спросил, почему мы так на этом настаиваем. Я ему снова указал на необходимость этого дела (договора — *Прим. автора.*), на наше географическое положение и добавил: «Ну посмотрите же на карту; вокруг нас нет друзей, только Россия — друг. А поэтому наша политика естественна». 4) Он запротестовал: Англия — тоже друг... Я сказал, что, может быть, хотя бы после этой войны в Англии поймут, что такое ЧСР, и что если бы Россия была в 1938 году нашим соседом, то не было бы Мюнхена. Он выразил в этом сомнение, и я понял, что он не так уж уверен в нашем будущем соседстве (с СССР). Я ответил: «Линия Керзона²³¹ — вот наше соседство, и на этой основе и надо делать политику»²³².

Таким образом, Бенеш недвусмысленно поддержал советскую позицию в вопросе о восточных границах Польши, тем более что именно линия Керзона позволила бы установить чехословацко-советскую границу, чего так страстно желал президент ЧСР.

В конце сентября 1943 года чехословацкое правительство официально направило ноту правительствам Англии, США и СССР. В ней выражалось «убеждение, разделяемое всем нашим народом на родине, что чехословацко-советский договор является жизненным требованием безопасности и независимости чехословацкого государства...»²³³

Однако когда советская сторона предложила опубликовать проект договора, Бенеш просил этого не делать, не посоветовавшись с министром иностранных дел Иденом в Москве. Тот перед отъездом в Москву был настроен резко против договора и сказал Масарику: «Ваше правительство сошло с ума, и у него в голове только договор с Россией»²³⁴.

24 октября 1943 года на шестом заседании встречи министров иностранных дел США, Англии и СССР в Москве Иден опять поставил во-

---

231. Линия Керзона (названа так в честь министра иностранных дел Англии, от имени Антанты предложившего установить ее) — граница этнографического и территориального размежевания между Польшей и Россией, которая была рекомендована 8 декабря 1919 Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. В ходе захватнической войны против России в 1919–1920 гг. польская армия оккупировала территории Украины и Белоруссии гораздо восточнее линии Керзона. Именно территории вплоть до этой линии и заняла в сентябре 1939 года Красная армия после развала польского государства.

232. *Ceskoslovensko-sovetske vzťahy v diplomatických jednaních 1939–1945. Dil 2. Praha, 1998. S. 6.*

233. *Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 395.*

234. *Cesky lid v boji proti fasismu. Praha, 1975. S. 396.*

прос о нежелательности заключения договоров с малыми странами, чтобы избежать создания в Европе «сфер влияния». Молотов предложил высказаться американцам, но у тех четкой позиции по данному вопросу не было.

Так как советская попытка вовлечь в обсуждение американцев потерпела неудачу, Молотов со всей ясностью высказался на данную тему: «Обсуждая вопрос о желательности или нежелательности заключения соглашений с малыми странами по послевоенным вопросам, мы должны считаться с некоторыми фактами. Я обращаю внимание, прежде всего, на переговоры, которые велись в последнее время между советским и чехословацким правительствами. Эти переговоры касались, как известно, вопросов взаимопомощи в послевоенный период, они касались также вопросов безопасности обоих государств, граничащих между собой. Весь смысл переговоров, которые происходили между Чехословакией и Советским Союзом, заключался в том, чтобы договориться на случай новой агрессии со стороны Германии, имеющей давнюю тенденцию к агрессии на Восток — «Дранг нах Остен».

Инициатива в этом вопросе была проявлена президентом Чехословацкой республики г-ном Бенешем. Мы отнеслись к этой инициативе положительно. Г-н Бенеш предложил нам проект договора. Это было месяца три тому назад... Теперь этот договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве полностью согласован. Я направил копии этого проекта договора г-ну Идену и г-ну Хэллу (госсекретарь США. — *Прим. автора.*) два дня тому назад. Теперь дело только за подписями под этим договором, который полностью согласован до последней запятой...

Президент Чехословакии г-н Бенеш намеревался для подписания договора приехать в Москву. Советское правительство весьма положительно отнеслось к этому. Но, как известно, поездка г-на Бенеша в Москву пока не состоялась, и отнюдь не потому, что он не хотел ехать, а потому, что это встретило возражения со стороны британского правительства.

Иден. У меня нет возражений против его путешествия.

Молотов. Речь идет не о путешествии, а о поездке г-на Бенеша в Москву для подписания договора. Ведь г-н Бенеш не частное лицо, а президент Чехословацкой республики... Я убежден, что не только правительствам Чехословакии и Советского Союза, но и общественному мнению этих стран было бы совершенно непонятно, если бы с какой-либо стороны встретились препятствия к заключению такого договора... Мне кажется также, что британское правительство, которое хорошо знакомо с этим вопросом, не имеет оснований для каких-либо возражений против договора, который имеет только положительное значение с точки зрения интересов Советского Союза и Чехословакии и который заключается между государствами, имеющими общую границу против возможной агрессии Германии в будущем...

Иден... Я не собираюсь долго дебатировать этот вопрос, но хочу сказать следующее... (Далее Иден опять говорил о договоренности с СССР не заключать договоров с малыми странами. — *Прим. автора.*) Теперь я получил копию проекта договора, который мне только что был прислан г-ном Молотовым. Если Вы позволите мне так выразиться, мне кажется, что это хороший договор.

Молотов. Очень приятно, что договор Вам понравился.

Иден. У меня не возражений против договора. Но я хотел бы сказать следующее. Так как теперь положение между нами стало ясным, мне хотелось бы, чтобы мое правительство получило возможность высказаться в положительном смысле после подписания этого договора. Я был бы благодарен, если бы г-н Молотов согласился сообщить мне время подписания и время опубликования этого договора, чтобы я мог заранее сообщить об этом моему правительству.

Молотов. Я так понял г-на Идена, что он по существу считает договор хорошим и теперь только хочет узнать, когда он будет подписан, а также время его опубликования. На это я могу ответить, что сегодня же даю телеграмму в Лондон нашему поверенному в делах о том, что г-н Иден относится к этому договору положительно, и что мы ждем г-на Бенеша в Москву для подписания договора.

Иден. Это хорошо, только я очень прошу дать мне 24 часа, чтобы я мог сообщить премьер-министру о том, что здесь произошло, иначе он, возможно, будет удивлен, когда узнает, что г-н Бенеш едет в Москву.

Молотов. Я вполне с этим согласен»²³⁵.

Таким образом, Иден был вынужден сделать хорошую мину при плохой игре и опять попытался перевести стрелки на Черчилля. Примечательно, что Иден ни разу не поправил Молотова, когда тот говорил о советско-чехословацкой границе как об уже реальном факте. Это означало, что Англия тоже смирилась с переходом Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР.

Итак, 23 октября 1943 года Иден был ознакомлен в Москве с проектом советско-чехословацкого договора. Так как этот договор составили по образцу советско-английского, Идену было трудно что-либо возразить по существу, тем более что СССР и ЧСР как суверенные государства могли заключать между собой любые соглашения и без учета мнения Англии.

25 октября Фирлингер писал Бенешу о своей беседе с Иденом за обедом: «Иден мне твердил, что Молотов ему сегодня показал текст нашего договора и что он был приятно поражен. (Здесь Иден опять лукавил:

---

235. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19–30 октября 1943 г. Сборник документов. М., 1984. С. 155–158.

текст был ему показан 23 октября. — *Прим. автора.*) Договор, мол, очень хороший, и никаких возражений против него быть не может. Он сожалеет, что ранее не знал текста и что мы с самого начала делали из него большую тайну. Если бы этого не было, то вопрос был бы давно решен»²³⁶.

Говоря проще, теперь Иден пытался свалить британскую obstruction на самого Бенеша. Тот же 26 октября заявил советскому поверенному в делах, что намерен приехать в Москву как можно быстрее.

12 ноября перед поездкой в Москву Бенеш встретился с членом польского эмигрантского правительства социалистом Станчиком. Тот с надрывом спрашивал Бенеша, не хотят ли русские сделать из Чехословакии советскую республику и «большевизировать» ее.

«Я ответил:

...Скажу Вам, чего хотят русские: окончательно решить украинский вопрос. Без этого они эту войну не закончат и согласно этому поступают. Потом я подвел его к новой русской карте Европы с новыми русскими границами и показал ему их. Он был очень потрясен — искал Вильно и Львов и, наконец, заявил: ни один поляк никогда не примет границы без Львова. — Я на это: все бы можно решить, но без Львова это не удастся. Сказал ему, что линия Керзона отдала Львов русским. Он ничего не ответил... Я объяснил ему, что смешно бояться, что они хотят сделать из них (поляков) советскую республику и большевизировать их. Показал ему договор — статьи 3 и 4. Он был очень удивлен четким положением договора против «Дранг нах Остен» и уважением суверенитета и внутренних дел...»²³⁷

На следующий день Бенеш уже говорил с премьером польского эмигрантского правительства Миколайчиком, заменившим погибшего в авиационной катастрофе Сикорского, по просьбе последнего. Когда Бенеш разъяснил Миколайчику положения советско-чехословацкого договора, тот «был очень доволен... разъяснениями и также удивлен тем, что об этом всем можно было договориться с Россией». Но о границах с СССР Миколайчик, по его словам, пока говорить не хотел. Мол, даже если он и пойдет на исправление границ в обмен на приращение территории Польши за счет Германии (именно это и предложил на конференции в Тегеране Черчилль), то непонятно, как к этому отнесутся Англия и Америка.

При этом премьер опять твердил, что ему неясны цели советской политики в отношении Польши. Не хотят ли русские ее «большевизировать»? Бенеш показал советскую карту Европы и Миколайчику, и тот «никак особо не реагировал». Бенеш убеждал Миколайчика, что Сове-

---

236. Československo-sovetske vztahy v diplomatických jednaních 1939–1945. Díl 2. Praha, 1998. S. 97.

237. Československo-sovetske vztahy v diplomatických jednaních 1939–1945. Díl 2. Praha, 1998. S. 105.